

12. Джусуева, А.А. Язык как средство хранения культурно-исторической информации [Текст] / А.А. Джусуева, А.М. Шерматова // Наука. Образование. Техника. – Ош: КУУ, 2013. – №1. – С. 4 – 7.
13. Тагаева, Г.С. Оценивание качества языкового образования [Текст] / Г.С. Тагаева // Наука. Образование. Техника.- Ош: КУУ, 2014. – №1. – С. 88 – 91.

DOI:10.54834/16945220_2023_2_101

Поступила в редакцию: 28.02.2023 г.

УДК 82/821.0

Амиралиев С.М.

к.филол.н., доцент Ошского государственного университета, Кыргызская Республика

КЫРГЫЗ-КЫТАЙ ЛЕКСИКАЛЫК ШАЙКЕШТИКТЕРИНДЕГИ АЙРЫМ ФОНЕТИКАЛЫК МОДЕЛДЕРДИН ЖАНА АЛАРДЫН ВАРИАНТТАРЫНЫН НОМИНАНТТАРЫ ЖӨНҮНДӨ

Бул жумушта изилдөөнүн предмети болуп фонетикалык турпаты жана семантикалык мазмуну окшош кыргыз-кытай жалпы сөздөрү эсептелинет. Изилдөөнүн максаты – Евразия тилдеринде жана кыргыз тилинде түрдүү варианттарда берилүүчү маданияттар аралык бир уңгулуу лексемалардын этимологиялык түзүмүн ачыктоо. Изилдөөлөрдө моделдештирүү, реконструкциялоо, салыштыруу, окшоштуруу, жалпылоо жана башка ушул сыяктуу ыкмалар менен тыгыз байланыштагы салыштырма-тарыхый методу колдонулду. Изилдөөнүн жүрүшүндө кытай жана кыргыз тилдериндеги айрым сөздөрдүн этимологиялык жактан окшоштугу көрсөтүлүп, тилдер жана маданияттар аралык бир катар лексемалардын келип чыгышына карата жаңы түшүндүрмө сунушталды. Изилдөөнүн натыйжалары син-тибет жана алтай тилдеринин бүлөөлөрүнүн лингвоэтногенетикалык биримдигин аныктоодо, ошондой эле алардын байыркы тилдик абалын реконструкциялоодо негиз катары кызмат кылат. Алынган жыйынтыктардын практикалык мааниси мындагы натыйжаларды түрк жана син-тибет тилдеринин салыштырма грамматикасында, ошондой эле этимология жана лингвогенетика боюнча эмгектерде колдонууга мүмкүн экендигинде турат. Эки тилдин лексикалык бирдиктерин салыштырып изилдөө ар кайсы тилдик бүлөөлөрдүн генетикалык байланыштарын ностратиканын алкагында аныктоого өбөлгө боло алары белгиленди.

Негизги сөздөр: ностратика; тилдик бүлөөлөр; этимология; муун; фонетикалык моделдер; салыштыруу; кытай тили; кыргыз тили.

О НОМИНАНТАХ НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И ИХ ВАРИАНТОВ В КЫРГЫЗСКО-КИТАЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

В данной работе предметом исследования является кыргызско-китайские общие слова, имеющие схожий фонетический облик и семантическое содержание. Целью исследования является выявление этимологической составляющей межкультурных однокорневых лексем двух языков в рамках фонетических формул, реализуемых в языках Евразии и кыргызском языке в различных вариантах. Для достижения поставленной цели использован сравнительно-исторический метод в тесной связи с такими приемами, как моделирование, реконструкция, сопоставление, аналогия, обобщение и другие. В процессе исследования показано этимологическое тождество некоторых лексем китайского и кыргызского языков, предложено новое объяснение происхождения целого ряда межъязыковых и межкультурных слов. Результаты, полученные в процессе исследования, служат базой для установления лингвоэтногенетического единства сино-тибетской и алтайской языковых семей, а также для реконструкции их праязыкового состояния. Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования сравнительной грамматике тюркских и сино-тибетских языков, а также в трудах по этимологии и лингвогенетике. Сравнительное исследование лексических единиц двух языков может быть предпосылкой для установления генетической связи разных языковых семей в рамках ностратики.

Ключевые слова: ностратика; языковые семьи; этимология; слог; фонетические модели; сравнение; китайский язык; кыргызский язык.

ABOUT THE NOMINEES OF SOME PHONETIC MODELS AND THEIR VARIANTS IN KYRGYZ-CHINESE LEXICAL CORRESPONDENCES

As the subject of the research were chosen the Kyrgyz-Chinese common words with similar phonetic forms and semantic content. The objective of this work is to identify the etymological component of the intercultural single-root lexemes of two languages within the phonetic formulas implemented in the languages of Eurasia and the Kyrgyz language in various versions. In order to achieve this objective, we used the comparative historical method in close connection with such techniques as modeling, reconstruction, comparison, analogy, generalization etc. In the researching process was shown the etymological identity of some lexemes of the Chinese and Kyrgyz languages, was offered a new explanation relating to the origin of a number interlanguage and intercultural words. The results obtained in the process of the study serve as a basis for establishing the linguoethnogenetic unity of the Sino-Tibetan and Altaic language families, as well as for reconstructing their proto-linguistic condition. The practical significance of the article lies in the possibility of using its results in the comparative grammar of the Turkic and Sino-Tibetan languages, as well as in works on etymology and linguogenetics. A comparative learning of lexical units of two languages can be a prerequisite for establishing a genetic link between different language families within the framework of Nostratics.

Key words: nostratics; language families; etymology; syllable; phonetic models; comparison; Chinese; Kyrgyz language.

Вводная часть. Фактический материал в статье анализируется под углом зрения ностратики. Как известно, ностратика является направлением в компаративистике, которое объясняет происхождение общих корней ряда языковых семей Евразии и Северной Африки (Х. Педерсен 1924, А.Б. Долгопольский 1964, 1967, В.М.Иллич-Свитыч 1968, 1976; Г.С. Старостин, Е.Я. Сатановский, А.В. Дыбо, А.Ю. Милитарев, И.И. Пейрос 2016 и др.) [1-5]. К ностратической макросемье языков относят алтайские (тюрко-монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский), уральские (угро-финские и самодийские), индоевропейские, дравидийские, семито-хамитские и картвельские языки. Термин «ностратика» был предложен и американским лингвистом Алланом Бомхардом [4-6] и принят многими современными компаративистами. В настоящее время ученые-лингвисты стали шире представлять состав ностратических языков, включая в него нахско-дагестанские, сино-тибетские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и некоторые другие языки [7-10]. К настоящему моменту установлено свыше тысячи корневых и аффиксальных морфем, общих для этих языковых семей, среди которых отсутствуют слова моделей *СОСО/СӨСӨ/СОСУ* и их варианты, встречающиеся в кыргызском и китайском языках. Здесь буква С является знаком согласного звука, а буквы О и Ө – соответствующие гласные в составе слов. Этот фактор послужил основанием для выбора темы данной статьи. Следовательно, актуальность нашего исследования состоит в необходимости рассмотрения кыргызско-китайских лексических единиц, имеющих общие звуковые и смысловые соответствия в рамках определенной формулы, с позиции ностратики. Статья ставит своей целью восполнить данный пробел в ностратике путем сравнительного описания фактов двух языков, подводимых под вышеназванные формулы.

Исследовательская часть. В данной статье с помощью методов сравнения и сопоставления рассматриваются отдельные кыргызские слова, построенные по фонологическим формулам *СОСО/СӨСӨ/СОСУ* и имеющие этимологически идентичные эквиваленты в китайском языке. В нашей картотеке имеется ряд кыргызских слов,

построенных согласно правилам сингармонизма и представляющих собою эквиваленты несингармонических слогов китайского языка [8]. Мы ниже охарактеризуем некоторые из них.

Модель СОСО/СОСОС. Принято считать, что слово *оромол* (южн.) «женский головной платок, шаль» заимствовано из иранских языков. Факты ханью позволяют исправить эту досадную неточность. В кыргызском и китайском языках мы находим исходную основу слова. Слог *ráo* [рао] в древнем ханью имеет значение «обвязывать, обматывать, мотать» (в совр. [жао]). Ему созвучны кыргызские слова *оро* «заверни, обмотай», *ороо* «завернуть, обвернуть, обмотать, мотать, запеленать, закутать», *орогуч* «обмотка, обертка», *оролуу* «быть завернутым, обвернутым, закутанным, обвернуться, завернуться, закутаться», *оромол* «женский головной платок». Основа *оро*, как видно, является продуктивной и базируется на целом ряде однокоренных слов, поэтому не является заимствованной. В ханью и иранских языках возможно употребление инициального *p*, а кыргызская артикуляция наращивает корень слова спереди, меняя его звуковой облик префиксоподобным незначимым элементом. Этот факт говорит о том, что к отдалению от прежних родственных языков приводят приобретенные в процессе развития новые индивидуальные свойства языка [7].

Слоги *tēn* «томить, тушить (в сосуде на медленном огне), настаивать (в термосе)», *mèn* «закрывать наглухо, плотно закрытый» и *tèn/mèn* «томить, тушить (на огне), томленный, тушенный; отпаривать, отмачивать», как видно, многозначны и составляют, на наш взгляд, первую часть кыргызского слова *мончо* «баня». К ней присоединяется многозначный слог *chǎo* «калить, сушить, тушить, поджаривать; каленый, тушенный, жареный» [11]. Под влиянием второго компонента дифтонга происходит регрессивная ассимиляция: его первый компонент уподобляется второму, а звук *e* первого слога тоже подвергается изменению под влиянием второго компонента дифтонга второго слога, становясь широким, огубленным и непереднеязычным: *tēn + chǎo = мончо* «баня».

Слово *мончо* состоит из китайских слогов. Такого слова, может быть, нет в этом языке. Мы не обнаружили его в словарях. Однако мы не сомневаемся в том, что оно образовано на базе китайского языка. Способ образования – сложение слогов. На это указывает состав слогов и их семантика. В китайском языке плеоназм и повтор слогов являются распространенными способами образования новых слов. К тому же объект этого названия не присущ кочевому образу жизни кыргызов.

В кыргызских юго-западных говорах встречается слово *чонтой* «карман». Ему соответствует литературная форма *чонтөк* «карман, мешочек из мошонки быка». Считаем, что они являются вариантами одного древнего слова, отличающимися друг от друга по широте-узости и непереднеядности-переднеядности гласных звуков, а также по сфере употребления. Есть основание высказать предположение о том, что два конечных слога в слове *окчонтой* «колчан», а именно: *-чонтой*, представляет собою рефлекс того пракорня, который является архетипом варьируемого слова *чонтой/чонтөк* (СОСОС/СӨСӨС). Первый из этих вариантов, кажется первичным по отношению ко второму, так как он имеет аналоги в китайском языке, где слог *chōng* «наполнять, заполнять, выступать в качестве», сочетаясь со слогом *dōi* «карман, мешок, кошель, корзина», мог образовать в древности сложное слово *chōng + dōi* [11]. Данное гипотетическое слово мы можем возвести к праформе **чондок*, предполагая возможность преобразования первой ее части в *чөн-/чон-/chōng*, второй части – в *-төк/-той/-dōi*. Чередование конечных *-к/-й* весьма распространено в кыргызском языке: *той* «насытиться» – *ток* «сытый», *жой* «ликвидировать» – *жок* «нет, отсутствует», *сой* «резать, резать» – *сок* «бить, рубить» и др. Известно, что кыргызские конечные *-к* и *-й* часто соответствуют китайским дифтонгам и трифтонгам: 1) *док* «запугивание, застрашивание,

шантаж, грубый окрик» - *dào* «грабитель, разбойник, вор, бандит, предатель, низкий человек, подлец, клеветник; воровство, хищение, грабеж, казнокрадство; заниматься разбоем (воровством), грабить, воровать, расхищать; присваивать, похищать; вороватый, нечистый; воровато, исподтишка, противозаконный, незаконный»; 2) *тик* «отвесный, вертикальный, крутой» - *дой* «крутой, отвесный, обрывистый, круто»; 3) *жак-/жагуу* «жечь, зажигать, зажигание, сжигание» - *jiāo* «поджигать, сжигать, опалить; гореть, обгореть, обгорелый; печь, жарить, поджаривать»; 4) *жак-/жагуу* «нравиться, подходить, быть на пользу» - *jìu* «подходить близко, сближаться с, прилагать, с, к, у, при; становиться на (сторону), как раз, вот-вот, близко; в соответствии с, на основании, согласно, по». Следующие примеры подтверждают наличие чередования кыргызского *-й* и китайского дифтонга или гласного-монофтонга: 1) *жой-/жоюу* «уничтожать, устранять, ликвидировать, утрачивать, терять; устранение, ликвидация, утрата» - *chū* «недоставать, не хватать, сматывать, сшибать, выгонять, увольнять», *chū* «увольнять, прогонять, лишать звания, изгонять»; 2) *кой-/коюу* «ударить (рукой), шлепнуть», *дагы бир кой!* «ударь (рукой, палкой) еще раз!» – *гиб* «ударить рукой, шлепнуть, дать облепуху (затрещину)».

Как видим, кыргызская формула *СӨСӨС* варьируется с диалектным *СОСОС*, который по качеству гласных сближается с сочетанием китайских слогов. Это говорит о том, что между разными фонетическими моделями слов одного языка может существовать отношение этимологической идентичности.

Модель СОСУ. Под формулу *СОСУ* подходит целый ряд слов кыргызского языка: *сокур* «слепой», *соку* «ступа», *чоку* «клюй» и др. В этом языке есть слово *коңшу* «сосед, соседний». По внешнему виду оно, кажется, имеет восточное происхождение. В китайском языке есть слова *gong* «совместно, вместе, сообща; общими силами (усилиями), совместный, общий, соединенный, объединенный; вместе иметь (пользоваться, получать); вместе, сообща делать (заниматься), участвовать, быть (находиться) вместе» и *shī* «наставник, воспитатель, учитель, преподаватель, техник, мастер, специалист, большой умелец, руководитель». Ср.: *gòngshì* «делать общее (одно) дело, иметь дело с; сотрудничать, совместно (сообща) действовать (работать), участвовать в деле; сотрудник, партнер, участник, компаньон, сподвижник» [11]. Следовательно, кыргызское слово *коңшу* «сосед, соседний» образовано с участием китайских слогов.

В русском языке имеется слово *чучело*. Н.М. Шанский связывает его со словом *чукча*, т.е. с названием одного из дальневосточных национальных меньшинств, имея в виду характер или внешний вид людей с позиции европейского языкового мышления [12]. Н.К. Дмитриев сравнивает его с уйгурским словом *чуче* «цыпленок» (ср. кырг. *жөжө/чөжө* «цыпленок»). Е.Н. Шипова усматривает в этом русском слове трансформу кыргызского слова *чочу*, реализуемого в словоформах *чочуп* «испугавшись», *чочуу* «пугаться, бояться, испуг, боязнь» [13]. С этим мнением согласен О.О. Сулейменов, казахский тюрколог [14]. Мы считаем это слово межэтническим. Мотивацию содержания и формы слова мы находим в китайских слогах, представляющих собою архетип синтагмы морфем: *choi* «внезапно, неожиданно» и *chū* «робеть, робкий, робость, трусить, трусливый, трусость; пугаться, пугливый, застенчивый, застенчивость». Корень *чочу* «бойся» (эта форма непродуктивна) в кыргызском языке, следовательно, заимствованный, производный и сложный, построен по формуле *СОСУ*. Он входит в текст, проявляя многообразие морфологического развертывания: *чочуйм/чочуюм* «боюсь» (*чочу* «бойся», *-й* процессуальный аффикс настоящего-будущего времени, *-м* «я», т.е. признак 1 л. ед.ч.), *чочулайм/чочулаймын* «побаиваюсь», *чочулагансыйт* «кажется, побаивается», *чочугуч* «пугливый», *чочунчаак* «пугливый, боязливый, опасливый» и т.д. [15].

Формула $C\Theta C\Theta/C\Theta C\Theta$ в кыргызских словах. Кыргызское слово *жөжө/чөжө* (в говорах) «цыпленок», *жижи* (в говорах) «малыш, маленький ребенок» соотносительно с китайским слогом *jì* «младший ребенок, младший из сыновей, младшая дочь/сын, младший» [11] и, вероятно, образовано путем повтора.

К китайским лексемам, отражающим лингвоэтнокультурное своеобразие народа, относится и устаревшее слово *tǔláo*, которое тоже состоит из двух слогов (*tǔ* «земля, почва, грунт» и *láo* «сидеть в тюрьме») и имеет значение «тюрьма-подземелье, яма». Мы нашли его в «Большом русско-китайском словаре» [16]. Его нет в словаре О.В. Левиной и других изданиях. Эта находка позволяет увереннее говорить о происхождении кыргызского слова *төлө* в составе идиомы *жер төлө* «землянка». Второй компонент этого сочетания непрозрачен и непонятен простым носителям языка. К.К. Юдахин относит его к иранским заимствованиям [17]. Мы считаем его сино-тюрко-иранским по употреблению и китайским по происхождению. Закон гармонии звуков привел к единообразию звучания согласных и гласных в слове *төлө*. В обоих слогах употреблен переднеязычный гласный *ө*, предполагающий палатализацию предшествующих и последующих согласных. Сингармонизм – один из основных законов фонетического строя многих тюркских языков, особенно кыргызского.

К модели $C\Theta C\Theta$ подводится слово *бөлө* «дети двух сестер по отношению друг к другу», которое соотносится с алтайским *бөлө/пөлө*, калмыцким *бөлө*, ордосским *бөлө* «дети двух сестер», имеет многочисленные эквиваленты в других тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских языках и сравнивается с китайским *bùlùò/bùlùo* «племя, род; становище, поселение, кочевье» в китайском языке [11]. Как видим, в китайско-кыргызском соответствии отмечается чередование гласных *ө/ù* и *ө/uo*, которое подвело кыргызское слово к рассматриваемой формуле.

Китайские слоги 1) *kōng* «пустой, пустопорожний, полый, холостой, пусто, без остатка»; 2) *kōng/kòng* «пустующий, незанятый, незаполненный, свободный, вакантный, праздный, ничем не занятый, порожняком, налегке, на свободе, без дела, безделье»; 3) *kòng* «пустынный, безлюдный (о местности), сквозной, проезжий, открытый, (на)сквозь; пустой, бессодержательный, бессмысленный, нереальный, ирреальный; безрезультатный, тщетный, напрасный; впустую, попусту, зря, напрасно, тщетно, безрезультатно; беспредельный, необъятный, обширный, широкий, уходящий вдаль (ввысь); весь, целый»; 4) *kōng/kòng* «быть/оставаться пустым, пустовать, опустеть» [16] этимологически связаны с кыргызским корнем *көң-* в словах: *көңдөй* «пустой, полый, незаполненный; бессодержательный, бессмысленный, неумный», *көңдөйлө-* «образовать пустоту, образовать пустое пространство», *көңдөв* (талас.) «полая часть стержня пера птицы»; 2) *кең* «широкий», *кеңдик* «широта, необъятность, обширность». Из этой парадигмы родственных слов к формуле $C\Theta C\Theta$ больше всего подходит форма *көңдөй* «пустой, полый», которая очень напоминает китайское производное слово *kōngtóu* «пустой, фиктивный, неискренний, показной, пустоголовый, безмозглый, болтун, враль; просвет, свободное время, окно (в расписании), пропуск, пробел (в тексте)» [16]. Вторая часть данного сложного слова сопоставима с существительным *tóu* «голова, прическа, вершина, верхушка, верх, головка», которое имеет этимологическую связь с некоторыми экспонентами кыргызской формулы $C\Theta C\Theta$: *төбө* «макушка (головы)», *төбө/дөбө* «холм, вершина холма», которые оформлены в рамках модели $C\Theta C\Theta$. К данной формуле имеет отношение глагольная основа *бөгө-* «прудить, запружать, преграждать путь, препятствовать, блокировать, сдерживать, обуздывать; преграждение, препятствование, сдерживание, обуздывание» (*бөгөт* «запруда, преграда, препятствие, блокировка, препятствование»), которая сравнивается с китайским слогом *biē* «сдерживать, обуздывать,

подавлять, блокировать, припирять к стенке; сдерживаться, терпеть, разразиться (гневом), вспылить, накричать, (дурной) нрав». Здесь видим, что дифтонг *-iē* трансформирован в кыргызском языке и соответствует звукосочетанию *-əθə*.

Заключительная часть. Теперь проанализируем некоторые межтюркские слова, связанные с вышеприведенными.

Кыргызское *көңдөй* тождественно с алтайским, барабинским, лебединским, телеутским, якутским *көңдөй*, койбальским, сагайским, хакасским *көңдей*, якутским *көңнөй*, барабинским *көндөй*, уйгурским диалектным *көнтей*, куманским *көңдой*, которые выражают значения «пустой, полый» (алтайский, барабинский, койбальский, лебединский, сагайский, телеутский, хакасский), «пустота» (хакасский), «дуплистый» (алтайский, якутский), «дупло» (алтайский, куманский), «никчемный, бесполезный, пустой» (якутский). Некоторые тюркологи (Л.З. Будагов, М. Рясенен, Э.К. Пекарский) считают их заимствованием из монгольских языков [18]. Действительно, в других алтайских языках мы находим примеры, сходные с тюркскими: а) монгольские: бурятское *хунды*, калмыцкое *көндэ* «пустой, полый; полость, пустое пространство, пустота; дупло», халха-монгольское *хөндий*, ордосское *хөндии* «полый, пустой; полость, пространство, пустота; долина», дагурское *кондээ* «сфера» [19]; б) тунгусо-маньчжурские: *коңгилбу-* «стучать по полому предмету», эвенкийское *көң*, *көңилма* «полый, пустой», *көңгурок* «полость, дупло, отверстие; полый, пустой», эвенское *көңик* «полый предмет, трубка, кровеносный сосуд», негидальское *контухан* «пустой, полый», орокское *куңгэ* «дупло», нанайское *куңку* «дубина, колотушка (для глушения рыбы), удар (кулаком)» [20]. Как видим, в тюркских и других алтайских языках действуют формулы *СӨСЕС/СӨСОС/СӨСИС/СОСЭ/СУСУ/СОСУСОС/СУСЫ* в соответствии с их фонологическими закономерностями.

Вариант *СӨСӨС/СОСОС* не единичен. Чередование звуков *ə/o* мы находим и в кыргызских словах *бөкөчө* «бука, чудище» (в детской речи и в общении взрослых с детьми) / *мокочо* то же самое с эпитетическим *-ə/-o*. Последние имеют мотивацию в китайских словах: *тó* «злой дух, демон, дьявол, черт; чертовщина, дьявольщина, наваждение, зло; злой рок, злой; пристрастие, страсть, склонность, увлечение; чары, волшебство, магия, колдовство, волшебный, сверхъестественный» и *тóгуй* «бес, злой дух, демон, сатана, оборотень, привидение, чертовщина, дьявольщина». Слог *тó* «злой дух» является исходом кыргызского *бө-/мо-* в названных выше словах и в словах *бө* и *бөө* «шаман», встречающихся в ряде тюркских языков Сибири, а также в монгольских языках: бурятское, калмыцкое, халха-монгольское *бөө* «шаман» [21]. Аффикс *-ча/-чө* в кыргызских словах соответствует китайскому слову *chā* [ча] «как, словно» [7]. В тюркских языках есть двусложные наименования волшебства: 1) турецкое диалектное *бүкү/бүгү/бөгү*, турецкое, чагагайское *бүги*, турецкое диалектное *бүй*, турецкое, туркменское *бүйу*, гагаузское *бүү*, турецкое диалектное *бугу*, которые передают значения «волшебство, чародейство, колдовство» во всех языках [22]. Эти примеры убедительно объясняют происхождение первой части кыргызских слов *бөкөчө/мокочо* (кырг. *бөкө/моко* сравниваются с рус. *бука* «фантастическое существо, которым пугают детей; угрюмый, нелюдимый (о человеке)»).

Формула *СӨСӨС* имеет репрезентатив без начального согласного. Можно предположить о том, что китайское слово *ling* «легкий/легко, парящий, воздушный, свободный/свободно; нежный/нежно, мелодичный/мелодично» [16] на кыргызской почве преобразовано в существительное *өлөң* «песня; осока; пух, получаемый из коры плода осоки», принимая протетический звук. Это понятно, потому что в кыргызском языке почти не употребляется

звук *л*- в абсолютном начале слова. Данный факт свидетельствует об этимологической связи слова *өлөң* с вышеназванным китайским словом.

К подформуле *ӨСӨ* подходит два кыргызских слова. Китайское *ráo* (*рао* в древнем произношении, *жао* – в современном) «зажиточный, богатый, изобильный, многочисленный, в избытке, богатство, обогащение, обогащать» [16] могло послужить исходом кыргызской лексемы *өргөө* «богатая юрта, богато обставленная юрта; свадебная юрта, юрта для новобрачных» (*өргү-/өргүү* «отдых, спокойная размеренная жизнь; останавливаться на отдых; остановка на отдых; делать привал, привал; входить в силу, приобретать бодрость», *өргүт-/өргүтүү* «позволить отдых»). Переход дифтонга в звукосочетания с заднеязычным согласным – обычное явление. Ср., например, звуковые соответствия полисемантического слова *lǎo* в кыргызском языке: *улг-*, *илг-*, *улук* и т.д. в значениях «старый, пожилой, престарелый», «давным-давно, в стародавние времена», «старший (по чину), главный, глава» и т.д. [7] с протетическими звуками перед начальным *л*-.

Китайское слово *fèi* «легкое, легкие, легочный; цвет легких, красный цвет» [7] в древности могло иметь в финальной части звук *-к*, о чем свидетельствуют кыргызские слова *өлкө* «легкие; легкомысленный человек», *пөк* (южн.) «трухлявый, пористый, дуплистый (о дереве), дряблый, растяпа (о человеке)». Первое из этих слов соответствует формуле *ӨСӨ*.

Выводы:

1. Определено, что в кыргызском языке имеет место немало лексических единиц, подводимых под формулы *СОСО/ӨСӨ/СОСУ* и их вариантов, происхождение которых связано с китайским языком;
2. Доказано, что формулы *СОСО/ӨСӨ/СОСУ* в кыргызско-китайских лексических единицах, выполняют важную обобщающую и объясняющую функцию;
3. Выявлена роль фонетических формул *СОСО/ӨСӨ/СОСУ* приводящих к единообразию дифференцируемых или даже контрастируемых слогов китайского языка под действием сингармонизма;
4. На основе сравнительного анализа выяснилось, что в родственных языках описываемые модели подвергаются различным трансформациям;
5. Отмечена важность проанализированных в статье фактов для определения сущности и функций звуковой гармонии в тюркских языках, в том числе в кыргызском.

Список литературы:

1. Долгопольский, А.Б. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Евразии с вероятностной точки зрения [Текст] / А.Б. Долгопольский // Вопросы языкознания. – М.: ИРЯ, 1964. - № 2. – С. 53-63.
2. Долгопольский, А.Б. В поисках далекого родства [Текст] / А.Б. Долгопольский // Русская речь. – М.: ИРЯ, 1967. - № 6. – С. 95-112.
3. Иллич-Свитыч, В.М. Соответствия смычных в ностратических языках [Текст]: этимология / В.М. Иллич-Свитыч. – М.: Наука, 1968. – С. 304-355.
4. Иллич-Свитыч, В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, алтайский, дравидийский) [Текст]: сравнительный словарь / В.М. Иллич-Свитыч. – М.: Наука, 1976. – 483 с.
5. Старостин, Г.С. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е.Я. Сатановским [Текст] / [Г.С. Старостин, А.В. Дыбо, А.Ю. Милитарев, И.И. Пейрос]. – М.: Дело, 2016. – 584 с.
6. Bomhard, A. Morphology and Vocabulary [Текст] / A. Bomhard, J. Kerns. – Leiden/Boston: Brill, 1994. – 678 p.

7. **Зулпукаров, К.З.** Введение в китайско-кыргызское сравнительное языкознание [Текст]: учеб. пособие / К.З. Зулпукаров. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2016. – 768 с.
8. **Зулпукаров, К.З.** Синтез как метод описания языка (вопросы казуологии, синологии, алтаистики и ностратики) [Текст]: монография / К.З. Зулпукаров, С.М. Амралиев. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2021. – 748 с.
9. **Zulpukarov, K.** Reflexes of the most ancient root *er “male” in Eurasian languages [Текст] / [K. Zulpukarov, S. Amiraliev and others] // Open Journal of Modern Linguistics. – California: Scientific Research Publishing, 2021. – Pp. 104-119.
10. **Зулпукаров, К.З.** Reflexes of the Most Ancient Root *Deng «Equal» in Eurasian Languages and Interpersonal Relationship Cognitions of Proverbs in the Kyrgyz Language [Текст] / [К.З. Зулпукаров, А.Т. Абдраева и др.] // Journal of Positive School Psychology. – Gorakhpur: Society of Psychology and Education, 2022. – V. 6. - № 4. - Pp. 3857-3866.
11. **Левина, О.В.** Большой китайско-русский и русско-китайский словарь [Текст] / О.В. Левина. – М.: Вече, 2012. – 960 с.
12. **Шанский, Н.М.** Этимологический словарь русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – Москва: МУ, 1965. – Т. 1. – С. 249.
13. **Дмитриев, Н.К.** Строй тюркских языков: избранные труды. [Текст] / Н.К. Дмитриев. – М.: Восточная литература, 1962. – 607 с.
14. **Сулейменов, О.О.** Тюрки до истории [Текст] / О.О. Сулейменов. – Алмата: Атамүра, 2002. – 27 с.
15. **Захарова, О.В.** Сопоставительная грамматика русского и кыргызского языков. Морфология [Текст] / О.В. Захарова. – Фрунзе: Мектеп, 1965. – 53 с.
16. **Баранова, З.И.** Большой русско-китайский словарь. Изд. 6-е, стереотип [Текст] / З.И. Баранова, А.В. Котов. – М.: Живой язык, 2008. – 568 с.
17. **Юдахин, К.К.** Кыргызско-русский словарь [Текст] / К.К. Юдахин. – Ф.: Советская энциклопедия, 1965. – 974 с.
18. **Севортян, Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» [Текст] / Э.В. Севортян. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
19. **Санжеев, Г.Д.** Этимологический словарь монгольских языков [Текст] / Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, З.В. Шевернина. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. – Т. 2. – 232 с.
20. **Цинциус, В.И.** Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1977. – Т. 2. – 410 с.
21. **Санжеев, Г.Д.** Этимологический словарь монгольских языков [Текст] / Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, Э.В. Шевернина. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. – Т. 1. – 102 с.
22. **Севортян, Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» [Текст] / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1978. – С. 293-294.

DOI:10.54834/16945220_2023_2_108

Поступила в редакцию: 10.02.2023 г.

УДК: 8.81.23

Сагынбаева Б.*д.филол.н., профессор Кыргызско-Турецкого универ. Манас, Кыргызская Республика***Кочорбай у. С.***аспирант Кыргызско-Турецкого универ. Манас, Кыргызская Республика*

КЫРГЫЗ ЖАНА ТҮРК ТИЛИНДЕГИ КӨПТҮК САН МААНИСИНИН ТУЮНДУРУЛУУСУ

Бул жумушта изилдөөнүн предмети катары түрк жана кыргыз тилдериндеги сан категориясынын көптүк сан мааниси тандалып алынды. Изилдөөнүн максаты – “мааниден формага” аспектисинде түрк жана кыргыз тилдериндеги көптүк сан маанисинин семантикалык чөйрөсүн аныктоо. Бул максатка жетиш үчүн функционалдык-семантикалык алкак методу, салыштырматарыхый, компаративдик анализ-синтез, контрастивдик жана диахрондук, синхрондук изилдөө